

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ЭФФЕКТОМ КЛЕТКИ

Т.А. Халилов

журнал «Историческая и социально-образовательная мысль»

Аннотация: В статье предлагается интерпретация политико-экономических источников власти в современной России. Теоретической основой исследования выбран коммуникативный подход, неоинституциональный анализ власти и господства, а также политико-философская концепция «Русской власти». Как полагает автор статьи, в современной России одновременно сосуществует несколько институциональных режимов взаимодействия политической и экономической власти, что обеспечивает возникновение «эффекта клетки» — способности государства «захватывать» социальных акторов, диктовать им стиль, форму и механизмы взаимодействия, определять ресурсность повестки изменений. Государство с целью сохранения *status quo* (модели им созданной «клетки») стремится использовать множественность технологий или даже наращивать репрессивность.

Ключевые слова: власть, политико-экономические источники, современная Россия, «эффект клетки».

Рассуждения о статических и динамических параметрах властных отношений в современной России вести непросто, но необходимо по нескольким причинам. Во-первых, понятие власти многозначно: эта категория в зависимости от языка и контекста может означать и политический порядок в целом, и политико-управленческий класс, и вид взаимоотношений на основе господства и подчинения, и сферу человеческой деятельности, и многое другое. Во-вторых, вероятно, в ближайшем будущем произойдут или уже происходят качественные трансформационные процессы в российской системе властных отношений. В-третьих, выявление *выключенных настроек* властного пространства России требует от исследователей методологической апелляции к его источникам.

Цель статьи — определить политико-экономические источники власти в современной России в аспекте их влияния на взаимодействие власти и бизнеса.

Теоретической основой исследования выбран коммуникативный подход, позволяющий осмыслить власть в качестве повседневных неформальных отношений, воспроизводимых благодаря взаимодействиям участников политической деятельности, имеющих неравный объем ресурсов и способностей влияния. Методологическое значение имеет неоинституциональный анализ власти и господства в трактовке А.Н. Олейника [Олейник 2011]. Власть в

российском обществе вытесняет альтернативные механизмы координации действий, в первую очередь — доверие и конвенции. Господство как механизм власти приводит к превращению рынка из условия свободы в орудие воспроизводства и укрепления власти. Сочетание интересов представителей государства и предпринимателей на рынке достигается за счёт ограничения конкуренции посредством контроля входа и продажи «входных билетов», покупателям которых обеспечено привилегированное положение. Политико-философская концепция «Русской власти», разработанная В.П. Макаренко [Макаренко 2013], акцентирует внимание на внеэкономических аспектах государственной власти: её всеобщности, принудительности, идеократичности. Русская власть существует, воспроизводится и трансформируется ради поддержания самой себя, при весьма слабом учёте интересов и влияний общества. Данная власть поддерживается монополией на экономическое, политическое и духовное принуждение (насилие). Как доказывает В.П. Макаренко, российский политический опыт и история предполагают совершенно иную, чем на Западе, «теорию власти, в которой *сила и террор государства полагаются главным фактором власти*, а все остальные (включая собственность) подчинены ему и отходят на второй и последующие планы» [Макаренко 1998: 85].

В историческом контексте такая роль политико-экономических оснований власти объясняется доминированием отношений «власти-собственности», хорошо изученных на материале стран Востока и традиционного российского общества [Плискевич 2008]. Данный феномен состоит в неразделенности сфер общественной жизни (экономической, социальной, политической и социокультурной). Экономические ресурсы не являются в такой системе объектами частной собственности, а мобилизуются и перераспределяются государством (модель «раздаточной экономики») [Бессонова 2008].

Проведём сравнительный анализ теоретически значимых мнений о политико-экономических источниках власти.

Д. Уэст, рассуждая о феноменологии политического действия Х. Арндт, приходит к выводу о том, что «понимание политики исключительно через суверенитет и правление ведёт... к игнорированию её сущностной природы действия, осуществляющегося *между людьми*» [Уэст 2015: 200]. В. Никитаев, оценивая традицию изучения политического как стратегии власти, указывает: К. Шмитт «обращает внимание на тот круг взаимоотношений или даже тождества государственного и политического, в котором движется как специальная юридическая, так и широкая правовая и социологическая мысль. Поэтому первое, что он считает необходимым сделать, — это постулировать разность политического, государственного и публичного (общественного), чтобы, задав понятие политического независимо, в качестве базового (категориального), определить затем понятие государства как политического единства и установить его соотношение с другого рода публичными объединениями, от профсоюза до человечества» [Никитаев 2004: 116].

М. Манн выделяет четыре источника власти: экономический, военный, политический и идеологический. После Второй мировой войны в мире преобладает синтетический конструкт политического и экономического источников власти. М. Манн считает, что подлинная демократия характеризуется наличием и независимостью всех четырёх источников власти друг от друга [Манн 2014].

Баланс отношений доминирования и влияния в системе властно-политических взаимодействий характеризуется, по мнению Л.Г. Швеца, смещением от доминирования к влиянию. Это обусловлено: сдвигами в социальной структуре и распространением сетевого принципа взаимодействий; ускорением политических коммуникаций, нарастанием символической и инновационной компонент в политических отношениях; ростом влияния координационных функций власти [Швец 2007: 72].

Целесообразно различать «большую матрицу власти» и «малую матрицу власти», основывающиеся на выделении противоположных качеств, по мнению Л.Г. Швеца. На пересечении контрарных характеристик находятся интегративные качества власти. В состав «малой

матрицы власти» включены 15 базовых атрибутов власти. Обращаясь к «матрице власти», следует подчеркнуть значимость не только бинарных отношений (господство – подчинение, руководство – исполнение), в которых сопряжены более простые свойства власти, но и более сложных тетрарных сочетаний. Наиболее распространены сочетания отношений: «управление – доминирование»; «влияние – доверие»; «доминирование – влияние»; «управление – влияние»; «доминирование – санкции»; «управление – санкции». С помощью тетрарных комплексов, в которых сопряжены по 4 компонента власти, каждый из компонентов во взаимодействиях получает операциональные характеристики («господство» как абсолютное или слабо выраженное, а исполнение — полноценное, адекватное или недобросовестное) [Швец 2009: 93].

Российские исследователи осмысливают наряду с формальными конституционными институтами, органами государственной власти и местного самоуправления неформальные системы отношений, взаимодействий, обычаев, традиций и «правил игры». Так, Ю.С. Пивоваров предлагает концепцию «русской системы», характеризующуюся тотальным господством высшей власти над всеми другими сферами государственной и общественной жизни, «персонифицированной верховной властью», требующей «посредствующих властей» [Пивоваров 2006: 12–32].

Д.В. Бадовский, анализируя модернизационные стратегии России, описывает «государство победившей бюрократии», которое «всё ярче обнаруживает корпоративистские черты, скрупулёзно всё регламентирует, строит иерархии и вертикали» [Бадовский 2009: 23–34].

А.В. Рябов рассуждает о «феодальной архаике» властных отношений в России, которую он выводит из условного характера собственности, «официальных или скрытых привилегий государственной бюрократии», отражения «неготовности транзитного общества к дальнейшим переменам» [Рябов 2008: 16].

О.Э. Бессонова конструирует концепцию «раздаточной экономики», в которой отношения собственности и накопления богатства управляются не рыночными и/или правовыми механизмами, а так называемым «служебным трудом» — бюрократией, которая доминирует, господствует и стоит выше предпринимательства [Бессонова 2006].

По мнению С.П. Перегудова, «бюрократия и большой бизнес — и по отдельности, и вместе взятые, — не являются теми инстанциями, где вырабатываются и принимаются наиболее важные, судьбоносные для страны политические решения. Более того, те решения, которые вырабатываются в рамках этой подсистемы, вступают в силу лишь с санкции собственно политических институтов и акторов, нередко подвергаясь существенной коррекции. Речь идёт, прежде всего, об институте президента; но также и о группе влиятельных либерально настроенных политических деятелей в правительстве и президентской администрации, и о верхушке силовых ведомств и региональных властей. Это своего рода „верхний этаж“ политической системы, который опирается на корпоративно-бюрократическую подсистему, сражается и взаимодействует с ней, но не подчинён ей, имея и другие, более широкие политические ресурсы и приоритеты. Так что назвать Россию корпоративным государством или „государством-корпорацией“, в которой правит бал корпоративный интерес — это не просто большое преувеличение, но и неадекватное толкование тех принципов, на которых базируется политическая структура и политическая система страны» [Перегудов 2007: 56–57].

Б.И. Макаренко, размышляя о неокорпоративизме в современной России, выявляет ключевые, с его точки зрения, проблемные характеристики взаимодействия политического и экономического: антагонистический характер противоречий в транзитный период; слабость механизмов исполнения решений и арбитража; высокую роль государства в экономике, его контроль над ключевыми ресурсами; политическую культуру России, которая склонна к «подданнической», а не к «активистской», в других терминах — к «культуре подданных», а не «к культуре граждан» [Макаренко 2011: 92–94].

Убедительна доказательная база суждения о постсоветской бюрократии политического философа и политолога, автора оригинальных концепций государственного аппарата, политической оппозиции, легитимности, власти, основателя политической концептологии В.П. Макаренко, который пишет, что «стабилизация бюрократического аппарата дисфункциональна. К его чертам можно отнести: паразитирование на социальных группах, институтах и государственных структурах; переплетение материальных интересов с вытеснением решений на вершину иерархии; преобладание групповых интересов и негативной солидарности над интересами населения страны; создание новых структур не для решения новых проблем, а для воспроизводства аппарата; стремление получить правительственные субсидии любой ценой. За любым политическим решением скрываются групповые интересы аппарата (в сфере политики цен и заработной платы, фискальной и финансовой политики государства, экономических и социальных стимулов производственной деятельности, распределении государственного бюджета). Групповые интересы государственной машины доминируют над интересами населения» [Макаренко 2013: 301].

Учитывая наличие политического и экономического источников власти, с одной стороны, и существование разновидностей взаимодействия политического и экономического, с другой стороны, можно сконструировать типологизацию форм взаимодействия источников политического и экономического (см. табл. 1).

Таблица 1.

Разновидности форм взаимодействия источников власти

	Политический источник	Экономический источник
Формальное взаимодействие	<i>Формальное политическое взаимодействие</i>	<i>Формальное экономическое взаимодействие</i>
Неформальное взаимодействие	<i>Неформальное политическое взаимодействие</i>	<i>Неформальное экономическое взаимодействие</i>

Однако данные формы взаимодействия политической и экономической власти не существуют самостоятельно, автономно и закапсулированно. Они взаимодействуют друг с другом, создавая тем самым институциональные режимы более сложного уровня взаимодействия политической и экономической власти (см. табл. 2). Именно данные институциональные порядки описывают многосложность взаимодействия политической и экономической власти.

Таблица 2.

Институциональные режимы взаимодействия политической и экономической власти

	Формальное экономическое взаимодействие	Неформальное экономическое взаимодействие
Формальное политическое взаимодействие	<i>Плюралистическая демократия</i>	<i>Корпоративный капитализм</i>
Неформальное политическое взаимодействие	<i>Государственный капитализм</i>	<i>Консенсусная коррупция</i>

Вопрос легитимности частной собственности в России актуализирован не только методами её приобретения в 1990-х гг., но и чрезмерной монополизацией доходов, когда 1500 финансово-промышленных групп контролируют 50 % всех активов, а 14 «олигархов» распоряжаются средствами, равными 26 % ВВП [Паппэ 2000: 22; Новопрудский 2003].

Существенно меняются с начала 2000-х гг. линии внутриэлитных отношений: если на начальных этапах становления постсоветской модели доминировало противоречие между политико-административной и олигархической элитами, то по мере трансформации правящей элиты оно заменяется соперничеством сформировавшихся по олигархическому принципу кланов. На передний план выступает борьба за доступ к ключевым ресурсам власти.

Как обобщают авторы монографии под редакцией А.Н. Шохина, государство провело в 2000-х гг. масштабную экспансию в экономику, методы которой таковы: увеличение доли государственных активов («Роснефть», «Газпром», крупнейшие кредитные учреждения, «АвтоВАЗ»), создание отраслевых государственных холдингов («Объединённая авиастроительная корпорация», «Рособоронэкспорт»), формирование государственных корпораций в приоритетных направлениях государственной политики («Роснано», «Росатом», «Ростехнологии», «Олимпстрой»), активизация государственного регулирования и контроля (усиление полномочий ФНС РФ, ФАС РФ, Счётной палаты РФ) [Бизнес и власть в России... 2011: 32].

Различия идеологических и политических установок органов государственной власти и крупного бизнеса России выявлены на основе анкетного опроса, проведённого Институтом общественного проектирования (выборка 326 чел., 30 субъектов РФ, 2007 г.) [Сумма идеологии... 2008]. Структура выборки позволяет сравнить восприятие политических проблем бизнесменами, государственными служащими с разбивкой по отраслям ведомств и обществом в целом. Первое из идеологических измерений — выбор между консерватизмом и либерализмом. Так, на вопрос: «Каков должен быть характер государственной власти в России», должна ли власть обеспечивать в первую очередь порядок или свободу граждан, 78 % всей выборки респондентов ответили: «порядок в стране», а лишь 16 % — «права граждан». Среди государственных служащих выбрали приоритет «порядок» 83 % сотрудников правоохранительных органов, 78 % депутатов, 76 % госслужащих исполнительной власти, 58 % сотрудников судебной власти. Предпочтения бизнесменов относительно либеральны — 62 % за порядок [Там же: 287–289].

Второе измерение — выбор между социал-демократизмом и либерализмом (сильное государственное регулирование экономики или свободный рынок). На вопрос: «Что главное для страны — укрепление государства и закона или развитие частной инициативы и предпринимательства» ответили в пользу государства 82 % всех респондентов, в том числе 71–83 % среди отраслевых политических элит и 39 % бизнес-элит [Там же: 289–290]. Уточнить диспозиции отраслевых элит можно по ответам на вопрос: «Что важнее — свобода или равенство»? Среди населения в целом баланс предпочтений был 47 к 29 % в пользу равенства; среди политических элит баланс почти равен — 48 к 52 % в пользу свободы, но парламентская и правоохранительная элиты склонялись к поддержке равенства [Там же: 290–291].

Крайне характерно распределение ответов о необходимости развития малого бизнеса, предпринимательской среды и рыночных отношений. Назвали эти задачи приоритетами экономической политики России 32,3 % респондентов от бизнес-элиты, по 25 % — депутатов и судей, 15,6 % госслужащих исполнительной власти и 3,6 % «силовиков» [Там же: 188–189].

Таким образом, государственные служащие и бизнес-элиты федерального уровня имели во многом противоположное понимание идеологических приоритетов и ориентаций политики. Госслужащие поддерживали в основном консервативные ориентации и установки политики, а бизнесмены — либеральные.

Выводы подтверждаются анализом опубликованных итогов массового анкетного опроса «Элиты и будущее России» (июль 2007 г., 12 регионов Юга России, выборка 1600 чел.). Респонденты, в особенности государственные служащие, поставили в иерархии желательных качеств политической элиты на первые места умение сотрудничать с бизнесом, лояльность руководству, а сотрудничество с общественными объединениями и выражение интересов массовых слоёв оказались на последних местах. Рассогласованность бинарных институцио-

нальных форм усиливает действие неформальных институтов [Российская элита... 2007: 49–57].

В современной России одновременно сосуществует несколько институциональных режимов взаимодействия политической и экономической власти, что обеспечивает возможность возникновения «эффекта клетки», то есть способности государства «захватывать» социальных акторов, диктовать им стиль, формы и механизмы взаимодействия, определять ресурсность повестки изменения.

В России сложилась «вертикальная», государственно-корпоративная модель политического взаимодействия государства, бизнеса и профсоюзов. Государство проводит политику взаимодействия с бизнесом и профсоюзами в интересах повышения своей легитимности и стабилизации политической системы. К параметрам политической стратегии государства в данной сфере относятся: неформальные институты и практики социального партнерства; приоритет роли государства (формирование системы партнерских отношений сверху); самоустранение государства от контроля за соблюдением равных прав сторон в системе партнерских отношений; социальное партнерство в трактовке органов государственной власти рассматривается как фактор обеспечения политической стабильности в большей мере, чем средство разрешения конфликтов путём переговоров и согласования интересов социальных групп.

Современный российский корпоративизм наиболее близок к «азиатскому» типу государственного корпоративизма. Он характеризуется доминирующим положением государства по отношению к бизнес-субъектам и формулой «совместное с государством управление». Специфика корпоративизма, формирующегося в современной России, проявляется в распространении патрон-клиентарных отношений, доминировании крупного бизнеса над малым и средним в политической сфере взаимодействий. Это смещает баланс формализованных и неформализованных методов влияния на процесс принятия политических решений в пользу неформальных методов.

В условиях структурной турбулентности российский крупный бизнес будет вести себя неоднородно. Политически активные бизнес-структуры, поддерживающие демократизацию современной России, будут стремиться вырваться из «клетки», расшатать её изнутри. Политически активные бизнес-структуры, не поддерживающие демократизацию современной России, продолжают свое активное участие и ресурсную поддержку крупных государственных проектов. Политически пассивные бизнес-структуры, поддерживающие демократизацию современной России, будут практически не заметны в публичном пространстве. И, наконец, политически пассивные бизнес-структуры, не поддерживающие демократизацию современной России, будут продолжать практиковать коррупционный институциональный режим взаимодействия политического и экономического своими собственными действиями. Государство, чтобы, как минимум, сохранить status quo (модель им же сконструированной «клетки»), будет стремиться использовать в своей активности множественность технологий или даже нарастить репрессивность.

Бадковский Д.В. 2009. Модернизация России: снова на развилке? — *Россия в глобальной политике*. — Т. 7. — № 3.

Бессонова О.Э. 2008. Раздаточная экономика России: прошлое, настоящее и будущее. — *Экономика и организация промышленного производства*. — № 5.

Бессонова О.Э. 2006. *Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации*. — М.: РОССПЭН.

Бизнес и власть в России... 2011. *Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия*. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

- Макаренко Б.И. 2011. Неокорпоративизм в современной России. — *Сравнительная политика*. — № 2 (4).
- Макаренко В.П. 1998. *Русская власть (теоретико-социологические проблемы)*. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ.
- Макаренко В.П. 2013. *Русская власть и бюрократическое государство*. — Ростов н/Д: Март.
- Манн М. 2014. *Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом*. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Никитаев В.В. 2004. Политическое как стратегия власти. — *Логос*. — № 6 (45)
- Новопрудский С. 2003. Стоящие парни Forbes: Россия становится кузницей миллиардеров. — *Известия*. — 1 марта.
- Олейник А.Н. 2011. *Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Паппэ Я.Ш. 2000. *«Олигархи»: Экономическая хроника 1999–2000*. — М.: Изд-во ГУ-ВШЭ.
- Перегудов С.П. 2007. Бизнес и бюрократия в России: динамика взаимодействия. — *Полития*. — № 1 (44).
- Пивоваров Ю.С. 2006. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита. — *Полис. Политические исследования*. — № 1.
- Плискевич Н.М. 2008. Система «власть-собственность» в современной России. — *Вопросы экономики*. — № 5.
- Российская элита... 2007. *Российская элита в зеркале социологии: Информационно-аналитические материалы*. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС.
- Рябов А.В. 2008. Возрождение феодальной архаики в современной России: практика и идеи. — *Рабочие материалы Московского центра Карнеги*. — № 4.
- Сумма идеологии... 2008. *Сумма идеологии: Мировоззрение и идеология современной российской элиты*. — М.: Ин-т обществ. Проектирования.
- Уэст Д. 2015. *Континентальная философия. Введение*. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Швец Л.Г. 2007. Доминирование и влияние в деятельности современных российских элит. — *Элиты и будущее России: взгляд из регионов*. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС.
- Швец Л.Г. 2009. Гендерный аспект властных отношений. От асимметрии — к аутентичности. — *Стратегии управления социально-экономическими и политическими процессами в регионе: история и современность: материалы науч.-практ. конф.* — Ростов н/Д; Пятигорск: Изд-во СКАГС.